

и полонянки, Московского государства люди, с плачем, чтоб их вывезть к Москве. А живут на воле, отработався. Июля в 9 день посылали мы, холопы твои, переводчика Семена Андреева к Маметше-аге говорить: которые твои государевы люди в прежних летех иманы в полон, а ныне отработались, живут в Крыме на воле, а хотят с нами итти к государю к Москве, и он бы Маметша-ага государю послужил, царю доложил, чтоб царь для братские дружбы и любви тех государевых людей велел к государю отпустить, а великому государю то судить в любовь, да и на отпуске царю и калге мы о тех полоняниках говорили, и царь хотел тех вольных людей отпустить к государю...»¹⁷

Таким образом, Степан Тарбеев и Иван Басов имели длительные контакты с пережившими плен и выдавшими чужие края «полоняниками». Документальные материалы «Крымских дел» позволяют представить, что не только московские послы в Крыму, но и служащие Посольского приказа в Москве вели расспросы: «А в Посольском приказе те полоненики роспрашиваны, где хто взят в полон и много хто в полону был».¹⁸

Весьма возможно, что именно на основе таких расспросов в посольской среде наряду с деловыми отписками, требовавшими порой значительного расхода бумаги,¹⁹ был создан рассказ — в жанре «паломнических чудес» — с ссылкой и на реального очевидца, как справедливо полагал А. И. Соболевский, и на собирательный тип «полоненика», вобравшего в себя черты многих выслушанных «в роспросе», как это показывают подлинные документы. Из отписок следует, что известие о царьградской иконе было в действительности услышано Степаном Тарбеевым и Иваном Басовым и от курчанина Афанасия Васильева и от других «турских полоняников» — от Гриши Маркова сына Пекишева и Лукашки Ондросова сына Скоробогатого, которые «сказывали про евленье иконы пречистые богородицы то ж, что и курченин Офонко Васильев сказывал».²⁰

Выделение этого рассказа из деловых документов произошло в Москве, может быть, уже в конце первой трети XVII в., по мере обработки в Посольском приказе деловых бумаг, связанных с отписками Степана Тарбеева и Ивана Басова. С этого момента судьба отписок и рассказа Афанасия Васильева складывается по-разному: первые скоро устаревают, вместо них появляются отписки новых посольств; второй распространяется самостоятельно, хотя и с указанием времени и участников посольства. Это указание сохраняется и в более поздней редакции.

¹⁷ Там же, д. 1629 г., № 14, сентября 8, лл. 3—4.

¹⁸ Там же, д. 1630 г., № 14, августа 15, л. 2.

¹⁹ «Дано нам, холопом твоим (Тарбееву и Басову, — О. Б.) в Крым на всякие твои государевы дела две стопы бумаги» (там же, д. 1627 г., январь—декабрь, № 2, л. 44); «на пишуую бумагу 3 р. 13 алтын 2 денги ... на свечи 20 алтын...» (там же, д. 1627 г., январь—ноябрь, № 3, л. 193).

²⁰ Цитируется по публикации: Л. М. Савелов. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Феодоровиче. Посольство С. И. Тарбеева в Крым 1626—1628 гг. — Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 39, Симферополь, 1906, стр. 94.

Отписка послов, содержащая легенду о царьградской богородичной иконе, могла быть адресована не только в Посольский приказ, но и непосредственно к патриарху, подобно тому как несколько раньше, в 1625 г., московские послы в Персию В. Коробьин и Е. Кувшинов писали патриарху Филарету о ризе Христовой. Истории создания цикла сказаний о ризе посвящена диссертационная работа С. Н. Гухман (см.: С. Н. Гухман. Кизылбашские отписки Василия Коробьина и Евстафия Кувшинова о даре шаха Аббаса России. — ТОДРА, т. XXVIII (в печати)).